

Екатерина Кожина

Моня и
прекрасная
Елена

Екатерина Кожина

Моня и прекрасная Елена

<https://litres.ru/74171643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ювелир Моня остался без продавца в своей лавке, а через дорогу напротив Елена лишилась своего цветочного магазина. И хитрый Моня уговорил девушку работать на него.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Екатерина Кожина

Моня и прекрасная Елена

Глава 1

За вывеской «Драгоценности Моисея Штейнбока» всегда пахло корицей, дорогим табаком и легким надувательством. Сам Моня, гном пятидесяти лет — возраст для его расы цветущий, — сидел за верстаком. На его носу покоились три увеличительных стекла, а в душе — бесконечная мудрость предков, умевших продать медь по цене мифрила.

Над лавкой располагались жилые комнаты, откуда сейчас доносился яростный стук кочерги и грохот ведра. Там хозяйничала Циля — троюродная племянница Мони по линии тети Сары. Циля была молодой, круглой, как хорошая головка сыра, и обладала скоростью степного вихря. Она успевала все: стирать, готовить фаршированную рыбу из озерных карасей и выметать пыль так, что та сама просилась наружу от греха подальше.

— Моня! — крикнула Циля сверху, топая по лестнице. — Если вы еще раз положите свои грязные пассатижи на свежестыранную скатерть, я сделаю вам такие вырванные годы, что вам не захочется даже заглядывать в свои бриллианты!

Моня не спеша снял одну линзу.

— Цилечка, радость моя, не делай мне нервы, их есть кому портить и без тебя. Пассатижи лежали не на скатерти, а рядом. И вообще, где мой чай? Я чувствую, как мое здоровье покидает меня через левую пятку.

— Ваш чай стоит на столе уже пять минут, и если он остынет, я не буду его греть, я буду его плакать! — Циля подхватила тряпку и принялась протирать витрину. — И кстати, Моня, вы собираетесь искать нового продавца, или я должна еще и улыбаться этим вашим покупателям, у которых денег меньше, чем у меня совести?

Это была болезненная тема. Племянник Сема, работавший за прилавком, недавно женился на дочке богатого пивовара и уехал в другой город. Лавка осталась без продавца.

Моня вздохнул и посмотрел в окно. Прямо через дорогу аккуратная вывеска гласила: «Цветы мадам Елены». Хозяином там был человек по имени Берт — крикливый, вечно нетрезвый лавочник. А вот его жена Елена, тоже человек, была женщиной молодой, красивой, но такой печальной, будто все дожди королевства плакали исключительно в ее огороде. Моня частенько поглядывал на нее с тихим сочувствием.

Вдруг с той стороны улицы раздался страшный грохот. Моня и Циля прильнули к окну.

В цветочном магазине летели во все стороны горшки. Берт, багровый от ярости, замахнулся на Елену тяжелой табуреткой. Женщина вскрикнула, закрывая лицо руками.

— Ой, вей — прошептала Циля, роняя тряпку. — Этот поц-цветочник окончательно потерял остатки своего ума, которого у него и так не было!

Моня среагировал мгновенно. Он выскочил на порог и приложил ко рту пальцы. Раздался такой свист, от которого у пролетающих мимо голубей случился инфаркт. Через полминуты на площади появились три дюжих стражника-гнома в блестящих кирасах.

— Уважаемые! — закричал Моня, указывая пальцем через дорогу. — Там один сумасшедший человек пытается сделать из своей жены гербарий! Поспешите, пока он не испортил фасад этой прекрасной улицы!

Стража ворвалась в магазин. Спустя пару минут Берта, закованного в кандалы и изрыгающего проклятия, уволокли в управу за нападение и злостное хулиганство. Но лавка цветов внутри была полностью разгромлена: земля, осколки, переломанные стебли роз лежали сплошным ковром.

Весь день Моня ходил сам не свой. Вечером, когда стемнело, он посмотрел в окно. В разбитой витрине напротив горело всего одно тусклое окошко.

Моня накинул пальто.

— Циля, я пройдусь. Освежу мозг, а то он у меня закипает от мыслей.

— Смотрите не замерзните, Моня, лечить вас нынче дороже, чем купить новую лавку, — донеслось из кухни.

Моня перешел улицу и заглянул в разбитое окно. Елена

сидела на перевернутом ящике среди руин своего маленького бизнеса и плакала, закрыв лицо руками. Гном вздохнул, поправил жилетку и перешагнул через осколки.

— Вечер в хату, мадам Елена, — мягко произнес Моня. — Извините, что без стука, но у вас тут временно отсутствуют двери.

Елена вздрогнула, вытирая слезы.

— Ох, господин Штейнбок Извините. Здесь такой беспорядок. Берта посадили. Стражники сказали — минимум на пять лет за дебош и покушение.

— Ну, так я имею вам сказать: слава богам! — Моня всплеснул руками. — Одним вредителем на квадратный метр стало меньше. Чего же вы плачете? Надо открывать шампанское, даже если оно из дешевого винограда!

— Да чему радоваться? — Елена всхлипнула. — Он унес все сбережения. У меня ни монеты. Я решила... я продам остатки лавки под кофейню. Тут уже ходила девушка, предлагала немного, но... Отработаю долги и пойду в прачки.

У Мони внутри будто щелкнул шестереночный механизм. Его хитрый гномий ум выдал идеальное решение.

— Слушайте меня сюда, Елена, и не говорите, что вы не слышали, — Моня подошел ближе и заложил руки за спину. — Продать лавку под кофейню? Чтобы здесь каждое утро пахло горелыми зернами и терлись сомнительные личности? Ну уж нет. У меня есть встречный план, и он вам понравится больше, чем вы думаете.

Елена удивленно подняла заплаканные глаза.

— У меня отбыл в женатом направлении продавец Сема, — продолжил гном. — Лавка стоит без лица. А вы — женщина редкой честности и, слава богам, с прекрасными манерами. Вы переходите работать ко мне. Будете стоять за прилавком, улыбаться покупателям и делать вид, что наши цены — это благотворительность.

— Но господин Моня, где же я буду жить? Мне нечем платить за жилье!

— А кто говорит за платить? — возмутился Моня. — У меня над лавкой целых четыре комнаты. Циля занимает одну, я — вторую. Две стоят пустые, и в них только пауки плетут свои интриги. Вы переезжаете к нам. Полный пансион, жалованье каждую неделю и, бонусом, Цилин фирменный суп, от которого у мертвых восстанавливается аппетит.

Елена замерла, не веря своим ушам.

— Вы вы это серьезно? Но я же человек. А у вас гномье семейство. Что скажут соседи?

— Соседи скажут, что Моня Штейнбок наконец-то нашел себе приличного продавца, у которого руки растут из плеч, а не из того места, где у нормальных людей сидят мысли! — отрезал Моня. — Короче, мадам Елена, завтра утром жду вас со всеми вашими чемоданами. И чтобы без опозданий, золото не любит ждать, оно начинает тускнеть от скуки.

На следующее утро, едва солнце позолотило шпили ратуши, на пороге лавки появилась Елена. В руках она держала

два потертых узла — все нехитрое имущество.

Ее встретил Моня в нарядном шелковом жилете и Циля с половником наперевес.

— О, явилась не запылилась! — провозгласила Циля, оглядывая гостью. — Моня, посмотрите на нее, она же бледная, как кусок мыла! Надо срочно кормить, иначе ее сдует первым же сквозняком, и наши инвестиции улетят в трубу!

— Циля, не кричи так, будто у тебя отбирают последнее золото, — осадил ее Моня. — Елена, проходите, располагайтесь. Ваша комната наверху, направо.

Уже через неделю лавку «Драгоценности Моисея Штейнбока» было не узнать. Елена оказалась потрясающим продавцом. Ее мягкий человеческий голос и врожденный такт творили чудеса. Покупатели, которые раньше торговались с Моней до хрипоты, теперь под обаянием Елены выкладывали монеты с улыбкой.

Как-то днем в лавку зашел богатый купец. Он долго вертел в руках браслет и пытался сбить цену.

— Ну не знаю, мадам, — сомневался купец, — тридцать золотых за эти изумруды? Они как-то подозрительно блестят.

Елена мягко улыбнулась и наклонилась к нему:

— Уважаемый, они блестят так подозрительно только потому, что они чисты, как слеза младенца. Если бы господин Моня хотел вас обмануть, он бы продал их вам за сорок и

еще попросил бы доплату за коробку. Берите, этот браслет так подойдет вашей супруге, что она забудет все ваши прошлые грехи.

Купец растаял, выложил тридцать золотых и счастливый покинул лавку.

Моня, наблюдавший за сценой из-за ширмы, вышел, довольный потирая руки.

— Елена, вы — золото высшей пробы. Сема по сравнению с вами был просто куском неотесанного гранита.

Из кухни вышла Циля, неся поднос с ароматными пирожками.

— Ну конечно, теперь вы будете хвалить Елену, а то, что я состряпала эти пироги с яблоками, никто и не заметит! Елена, кушайте, ради богов, а то Моня съест все сам, и у него случится изжога, а страдать буду я.

Елена посмотрела на гномов, и на ее лице — впервые за многие годы — расцвела искренняя улыбка. На щеках появился румянец, а в глазах зажглись искорки.

— Спасибо вам, — сказала она, беря пирожок.

— А я вам за что говорил? — хмыкнул Моня, прищулив свой хитрый гномий глаз. — У Моисея Штейнбока плохих прогнозов не бывает. Циля, налей Елене еще чаю, и не желей заварки, мы теперь богатые люди!

Глава 2

Прошел год. Бизнес в лавке Мони Штейнбока шел так красиво, что золото в сундуках начало вытеснять воздух. Елена торговала с такой грацией, что даже скупые гномы уходили от нее с бриллиантовыми запонками и счастливыми слезами на глазах. Но у этой медали была обратная сторона: драгоценности в сейфе Мони стали таять, как кусок сала на июльском солнце.

— Моня, я имею вам сказать, что наши витрины стали выглядеть так бедно, будто мы торгуем не алмазами, а надеждами на хорошую погоду, — заявила утром Циля, яростно полируя пустой бархатный ложемент.

— Цилечка, не делай из мухи верблюда, мы его потом не прокормим, — отозвался Моня, застегивая дорожный камзол. — Я еду в Подгорье. Синдикат задолжал мне партию таких камней, от одного взгляда на которые у местных дам случится мигрень от зависти. Елена, душа моя, оставляю лавку на вас. Если придут мытари — делайте лицо, будто вы только что похоронили любимую бабушку, они сделают скидку на налоги.

— Счастливого пути, господин Моня, — улыбнулась Елена, поправляя его воротник. — Мы тут со всем справимся. Главное — берегите себя в дороге.

Для безопасности в пути Моня не нанимал случайных

прохожих. Дороги королевства были полны романтиков с большой дороги, жаждущих познакомиться с гномьим кошельком. Поэтому у крыльца ювелира уже ждали три запряженные лошади и карета. Рядом стояли трое мужчин в потертых, но вычищенных полудоспехах.

Это была личная гвардия Мони — бывшие солдаты регулярной армии. Командир, хмурый мужчина по имени Вlado, когда-то возглавлял отряд королевской разведки. Они таскали «языков» из тыла врага и выкрадывали такие документы, о существовании которых сам король узнавал последним. Но, как водится, честная служба костью встала в горле у его тылового помощника. Тот подселел шефа, мастерски подделал отчеты о пропавшей казне, свалил все на Вlado и технично ушел на повышение. Вlado выставили со службы без выходного пособия. Двое его верных друзей — весельчак Дик и молчаливый великан Бруно — пытались доказать правду, но в итоге вылетели следом. Оказавшись на улице, троица открыла частное охранное агентство «Верный щит». Моня был их первым и любимым клиентом.

— Здорово, командир, — Моня вышел на крыльцо, критически осматривая Вlado. — Вы как всегда хмуры, будто вам вместо жалованья выдали порцию прокисшего пива. Что с лицом?

— Дороги нынче беспокойные, мастер Штейнбок, — ответил Вlado, проверяя крепление меча. — В лесах под Смоляной горой видели шайку гоблинов-дезертиров.

— Ой, я вас умоляю! — махнул рукой Моня. — Гоблины? После того, как вы в прошлый раз спасли мои бриллианты от целого орочьего патруля, эти гоблины для вас — просто невоспитанные дети. Дик, Бруно, мое почтение!

— И вам не хворать, мастер Моня! — ухмыльнулся Дик, подмигивая Циле, которая высунулась из окна. — Ради ваших камней мы готовы пересчитать зубы любому гоблину. Бруно соскучился по хорошей драке, у него от мирной жизни кулаки чешутся.

Бруно молча кивнул, похлопав по рукояти огромного топора.

Путешествие до Подгорья, вопреки мрачным прогнозам Владо, прошло на удивление гладко. То ли гоблины узнали, кто едет в карете, то ли у них нашлись дела поважнее, но до самого предгорья отряд добрался без единого выстрела из арбалета.

Они въехали под огромные каменные своды Подгорья — величественного города гномов, высеченного прямо в скале. Воздух здесь был густым, пах раскаленным металлом, каменной пылью и сытным элем. Заселившись в таверну «У веселого забойщика», Моня сразу распорядился:

— Так, мальчики. Ночью спим в оба глаза. Камни в Синдикате выдают строго утром, а я не хочу опоздать к раздаче пирога.

Утром отряд двинулся к монументальному зданию Алмазного Синдиката. Владо шел впереди, сканируя толпу про-

фессиональным взглядом разведчика, Дик и Бруно прикрывали фланги, а Моня семенил в центре, чувствуя себя как минимум королем, ну или его главным казначеем.

Зал Алмазного Синдиката встретил Моню привычным блеском черного мрамора, но ювелир направился не к суровым гномам-банкаирам. Его цель сидела за дальней конторкой, окруженная сиянием лучших бриллиантов Подгорья и собственной, совершенно неопишуемой красотой.

Ее звали Роза. Ей было около пятидесяти лет — для гномы возраст самого зрелого расцвета. Она обладала роскошными формами, соболиными бровями и взглядом, который мог одновременно оценить чистоту изумруда и поставить на место любого наглеца.

Раз в год-полтора Моня снаряжал экспедицию в Подгорье исключительно ради этого момента. Он флиртовал с ней так безбожно, что даже у каменных статуй предков на стенах розовели щеки. Но глубоко внутри, под маской хитрого торговца, Моня любил ее уже много лет. В его левом кармане жилетки, прямо у самого сердца, вот уже десять лет покоилось обручальное кольцо. Магический мифрил, тончайшая огранка, редчайший розовый бриллиант — Моня сделал его сам, вложив всю душу. Но каждый раз, когда приходило время открыть коробочку, его знаменитое красноречие испарялось, оставляя вместо себя трусливого суслика.

— Ой, вы только посмотрите, кто пришел! — Роза отложила лупу и подперла щеку пухлой ручкой. — Моисей

Штейнбок, живая легенда верхнего города. Я думала, вас там давно прибрала к рукам какая-нибудь человеческая графиня, а вы все еще топчете наш скромный гранит.

— Розочка, душа моя, ну какая графиня? — Моня прижал руку к груди и сделал шаг к конторке. — Зачем мне эти бледные человеческие женщины, когда здесь, под землей, цветет такой редкий бриллиант, рядом с которым солнце кажется грошовой свечкой? Выглядите на миллион, и это я еще не посчитал налоги!

— Моня, не делайте мне комплименты, у меня от них портится характер и улучшается аппетит, — хмыкнула Роза, но в ее глазах вспыхнули веселые искорки. — Приехали за камнями или просто потрепать мне нервы, которых у меня осталось ровно на два скандала?

— И за тем, и за другим, радость моя! — Моня оперся о прилавок, придвигаясь ближе. — Но сначала главный вопрос, который не дает мне спать последние восемнадцать месяцев. Скажите мне как на духу: тот поц-архитектор из Южной жилы, который крутился вокруг вас в прошлый раз он таки добился своего несчастья, или вы все еще бережете мою надежду?

Роза всплеснула руками и заливисто расхохоталась:

— Этот архитектор? Моня, я вас умоляю! Он строит дома хуже, чем вы уступаете в цене. Он пытался доказать мне, что две комнаты — это роскошь, на что я ответила, что его отсутствие в моей жизни — это вообще праздник. Так что я

по-прежнему сама себе хозяйка, Монежка.

Сердце Мони сделало радостное сальто, а рука в кармане судорожно сжала бархатную коробочку с кольцом. *«Ну же, Моня, скажи ей! Скажи: "Роза, будьте моей женой, и мы будем вместе делать нервы всему миру!"»* — кричал его внутренний голос. Но Моня лишь сглотнул, вспотел и выдавил самую широкую из своих хитрых улыбок.

— Ну, так я имею вам сказать, что у этого архитектора просто не было вкуса! — Моня перевел дыхание, сокрушаясь о своей внезапной трусости. — А теперь давайте перейдем к менее прекрасному, но более официальному — покажите мне, чем Синдикат собирается удивить лавку Штейнбока.

Роза понимающе улыбнулась (она прекрасно знала Моню и его манеру робеть в самый важный момент) и достала из-под стола тяжелый кожаный мешочек. Когда она развязала шнурок и высыпала камни на сукно, Дик за спиной Мони тихонько присвистнул. Алмазы были чистейшей воды, без единого изъяна.

— Вот, смотри, Монежка, — Роза пододвинула камни к нему. — Специально для тебя отбирала. Чистые, как помыслы новорожденного гнома.

— Ну, насчет помыслов я бы поспорил, Синдикат и чистота — это две большие разницы, — хмыкнул Моня, быстро и профессионально проверяя товар. — Но камни действительно приличные. Розочка, вы спасаете мой бизнес и разбивае-

те мое сердце одновременно.

Он аккуратно пересыпал алмазы в свой потайной кошелек. Настало время прощаться. Моня снова коснулся кольца в кармане, вздохнул и посмотрел Розе прямо в глаза.

— Ну я поехал, Розочка. Берегите себя. И не вздумайте выйти замуж, пока я везу эти камни наверх. Я этого не переживу, а похороны нынче стоят дороже, чем весь этот Синдикат.

— Поезжайте уже, Моня, — мягко ответила Роза, и в ее голосе послышалась легкая, едва заметная грусть. — И смотрите, чтобы ваши солдаты довели вас в целости. А то кто же еще придет делать мне такие красивые комплименты?

Моня отвесил франтовской поклон, развернулся и решительно зашагал к выходу. Владо мгновенно перестроился, идя впереди и сканируя коридоры, Дик и Бруно замкнули строй.

Они вышли из Синдиката и направились обратно к таверне, чтобы забрать карету. Владо шел хмурый, как грозовая туча, но, пройдя пару кварталов, не выдержал:

— Мастер Штейнбок, извините, что лезу не в свое военное дело. Но вы таскаете это кольцо в кармане уже который год. Мы из-за него трижды отбивали атаки разбойников на обратном пути, потому что вы над этим карманом дрожите больше, чем над всем возом с товаром. Почему вы ей его не отдали?

Моня глубоко вздохнул, поправил жилетку и посмотрел

на командира:

— Влаго, вы прекрасный солдат, но в любви вы понимаете меньше, чем Бруно в балете. Подарить кольцо — это дело пяти секунд. А вы представляете, что начнется потом? Она же согласится! И мне придется везти ее в верхний город. А там у меня Циля, которая будет делить с ней кухню, и Елена, которая улыбается покупателям так, что Роза начнет ревновать прямо от порога! Это же будет не лавка, это будет филиал вулкана!

Дик, шедший рядом, весело расхохотался:

— Так вы боитесь Розы, мастер Моня, или Цили с ее половником?

— Я боюсь, Дирочка, что от такого количества счастья в одном доме у меня окончательно лопнет сердце, а я еще не успел продать те бриллианты, что только что купил! — отрезал Моня. — Все, шагом марш к карете, мальчики. Дорога домой длинная, а Елена там одна отдувается за весь наш семейный синдикат.

Глава 3

Карета Мони катилась по узкому Смолянскому ущелью. Скалы сжимали дорогу так, будто хотели выжать из проезжающих последние гроши. Владо ехал верхом впереди, Дик и Бруно держали арбалеты наготове.

Вдруг Владо поднял кулак. Карета встала.

— Мастер Штейнбок, — проговорил командир, наклонившись к окну. — Наверху, за валунами. Шесть арбалетчиков. И на дороге впереди завал из бревен. Это засада.

— Ой, вей — Моня прижал руку к левому карману, где лежало кольцо. — Владо, я имею вам сказать: сделайте им так красиво, чтобы они побежали жаловаться своим мамам!

— Дик, Бруно — работаем по второй схеме «Тихий омут», — скомандовал Владо. Его лицо разгладилось. В глазах появился холодный азарт профессионального разведчика. — Мастер Моня, сидите тихо и изображайте испуганного коммерсанта. У вас это естественно выходит.

— Что значит естественно? — возмутился Моня. — Я так испуган! Но исключительно за свои деньги!

Владо, Дик и Бруно растворились в тени скал. Разбойники даже не поняли, почему их арбалетные тетивы вдруг лопнули одна за другой, а из кустов бесшумно полетели металлические ножи.

Через минуту сверху раздался сдавленный писк, глухие

удары и треск ломающихся луков. Владо зашел главарию банды со спины. Он приставил кинжал к его горлу так нежно, будто брил лучшего друга.

— Уважаемый, — шепнул Владо на ухо разбойнику. — Твои люди уже отдыхают лицом в щебенке. У тебя есть два варианта: или вы сейчас дружно растаскиваете завал на дороге, или я делаю из тебя «языка» без языка.

Через десять минут завал был разобран силами самих нападавших, которые испуганно косились на молчаливого Бруно, лениво покручивающего топор.

Карета триумфально двинулась дальше. Оставшийся путь до верхнего города прошел в идеальной тишине.

На следующий день карета остановилась у вывески «Драгоценности Моисея Штейнбока». Моня, живой, целый и с полными карманами алмазов, первым выскочил наружу. За ним шел Владо — пришло время получить расчет за безупречную охрану.

Они вошли в лавку. За прилавком стояла Елена. За этот год она окончательно расцвела: красивое платье, мягкая улыбка, а в глазах — покой разведенной женщины, которую никто не обижает.

— Господин Моня! — радостно воскликнула она. — Слава богам, вы вернулись! Мы с Цилей уже испереживались. Она как раз доваривает обед.

Из кухни тут же высунулась Циля с полотенцем:

— Моня! Живой! Посмотрите на него, он даже не похудел в этой вашей дороге! Быстро мыть руки, суп остывает, а у меня нет лишнего здоровья греть его в третий раз!

— Цилечка, радость моя, закрой рот с той стороны кухни, я привез камни, которые сделают нас счастливыми, а тебя — богатой невестой! — отмахнулся Моня. — Елена, познаться. Это командир Влодо. Человек, который спас мои бриллианты от такой хитрой засады, что я чуть не стал банкротом прямо в ущелье.

Влодо сделал шаг вперед, собираясь сухо кивнуть, но взглянул на Елену — и замер. Его суровое лицо дрогнуло. Хмурость куда-то испарилась, уступив место ошеломленному удивлению.

Елена тоже посмотрела на него. Ее улыбка стала еще теплее. Она чуть наклонила голову:

— Здравствуйте, командир Влодо.

Влодо кашлянул, поправил портупею и вдруг покраснел до самых ушей, став похожим на молодого рекрута.

— Рад служить, мадам Елена — пробасил он.

Елена слегка порозовела, но посмотрела на Влодо с интересом:

Командир принял мешочек с золотом, спрятал его, посмотрел на девушку уже прямым взглядом и вышел, звеня шпорами. Моня повернулся к Елене и заговорщически подмигнул:

— Душа моя, этот хмурый солдат так смотрел на вас, буд-

то вы — секретный план вражеского штаба, который ему срочно нужно выкрасть. Мне кажется, наше охранное агентство теперь будет работать на нас за половину стоимости, исключительно ради вашей улыбки!

— Моня, перестаньте говорить глупости и идите есть! — закричала из кухни Циля.

Глава 4

Через два дня после возвращения Влаго материализовался на пороге лавки Мони Штейнбока. Он стоял, вытянувшись по струнке, в своей лучшей кожаной куртке, а в кулаке сжимал букет пушистых ромашек. Ромашки выглядели так, будто их допрашивали с пристрастием.

За прилавком никого не было, зато из-за ширмы выросли две гномьи фигуры. Моня и Циля ждали этого момента, как привоза свежей мифриловой руды.

— Ой, вы только посмотрите, кто пришел и что он принес! — всплеснула руками Циля, вытирая руки о фартук. — Командир Влаго, я имею вам сказать: эти цветы выглядят так, будто вы отбивали их у стаи голодных волков. И почему ромашки? Елена — приличная женщина, а не корова, чтобы кушать это сено!

— Циля, замолчи свой рот, ты ничего не понимаешь в мужской тактике! — шикнул на нее Моня, выходя вперед и поправляя очки. — Влаго, дорогой. Вы же разведчик! Кто идет на штурм крепости с букетом, который помещается в один карман? Женщине нужно оказывать такое внимание, чтобы у ее соседок лопались от зависти не только глаза, но и корсеты!

Влаго переступил с ноги на ногу, и его суровое лицо налилось густым румянцем.

— Мастер Штейнбок, Циля. Я зашел пригласить мадам Елену на прогулку по набережной. И, возможно, выпить по чашке сбитня в городском саду.

— Сбитня?! — Моня схватился за сердце так правдоподобно, что Циля на всякий случай потянулась за каплями. — Владо, не делайте мне смешно, у меня от этого портится коммерческий авторитет! Сбитень — это для извозчиков. Вы должны повести ее в ресторацию «Золотой фазан». Там подают утку в брусничном соусе по такой цене, что после нее мужчина просто обязан жениться, иначе его посчитают сумасшедшим.

— И ради богов, командир, смените выражение лица! — вставила свои пять копеек Циля, подходя ближе и осматривая солдата. — Вы же идете на свидание, а не под трибунал. Сделайте улыбку, ну хоть немножечко! А то Елена подумает, что вы ведете ее не гулять, а расстреливать за долги.

— Я не умею делать улыбку, — пробасил Владо, чувствуя, как по спине ползет холодный пот. — Нас в учебке учили родину защищать, а не зубы скалить.

В этот момент шторка отодвинулась, и в зал вышла Елена. При виде Владо с ромашками ее глаза удивленно расширились, а затем на губах расцвела та самая улыбка, от которой у командира окончательно перехватило дыхание.

— Ой, командир Владо. Какая прелесть, — сказала она, подходя к прилавку и принимая помятый букет. — Это мне? Спасибо большое. Ромашки — мои любимые цветы. Они на-

поминают мне о детстве в деревне.

Моня и Циля переглянулись. Моня кашлянул и прошептал племяннице:

— Ты видишь это, Циля? Она сказала «прелесть». Человеческие женщины — это неизученная наука. Если бы я подарил Розе такой веник, она бы надела его мне на голову вместе с горшком.

Владо тем временем взял себя в руки и произнес, глядя Елене прямо в глаза:

— Мадам Елена, погода сегодня согласно уставу прекрасная. Не окажете ли вы мне честь совершить тактический маневр по городскому саду?

Елена рассмеялась, оценив военный юмор:

— С удовольствием, командир. Только давайте без тактических окружений. Я сейчас возьму шаль.

Елена ушла наверх.

— Не вздумайте кормить ее сбитнем! Купите ей то мороженое с орехами, которое продают у ратуши. От него у женщин размягчается характер и улучшается отношение к мужским недостаткам. — проворчал гном, хитро прищурившись.

— Вернете нам ее вечером в целости, сохранности и с хорошим настроением. - шептала в другое ухо Циля. - И помните, командир: если вы будете молчать как партизан на допросе, она решит, что у вас нет мыслей. Разговаривайте с ней! Расскажите как вы красиво поймали тех разбойников в

ущелье. Женщины любят героев, особенно когда эти герои сидят с ними за одним столом и платят за десерт.

Через минуту Елена спустилась, накинув на плечи легкую шаль. Владо со всей галантностью, на какую был способен, предложил ей локоть. Они вместе вышли из лавки, залитой теплым вечерним солнцем.

Гномы прильнули к окну, провожая пару взглядами.

— Ну, что вы скажете, Моня? — спросила Циля, облокотившись на подоконник. — Будет из этого хмурого поца толк?

— Цилечка, из любого поца можно сделать приличного человека, если за него возьмется правильная женщина, — философски заметил Моня, доставая из кармана коробочку с мифриловым кольцом и задумчиво вертя ее в пальцах. — Посмотри, как он бережно ведет ее под руку. Будто несет не человека, а вазу из тончайшего эльфийского фарфора. Эх, хорошая бы получилась пара.

— Ой, Моня, вы бы лучше о своей паре подумали! — фыркнула Циля, заметив кольцо. — Кольцо скоро покроется мхом, а Роза выйдет замуж за того криворукого архитектора просто от скуки!

— Не сыпь мне соль на сахар, Циля, — вздохнул Моня, пряча сокровище обратно в карман у самого сердца. — Пойдем лучше доедать суп. От этих человеческих нежностей у меня таки разыгрался аппетит.

Глава 5

Не успел Моня Штейнбок оглянуться, как «тактические маневры» командира Влаго по городскому саду привели к самому главному окружению в его жизни. Суровый разведчик сдался без боя, поднял белый флаг и повел Елену под венец.

Торжество было скромным, но до того трогательным, что даже у молчаливого Бруно подозрительно заблестели глаза — он потом божился, что это была аллергия на цветочную пыльцу. Моня, как посаженный отец, расщедрился на такой подарок, что у всех перехватило дыхание, а у самого Мони на три дня испортилось настроение от собственной щедрости.

И вот настал день прощания. Влаго снял для молодой жены уютный домик неподалеку, и Елена пришла забрать последние вещи.

— Цилечка, хорошая моя, спасибо тебе за все, — Елена со слезами на глазах обняла гному, которая вопреки своей обычной грозной натуре сейчас шмыгала носом в три раза громче положенного.

— Ой, Леночка, перестаньте плакать, вы портите мне всю прическу, на которую я потратила целых полчаса и две капли дорогого масла! — причитала Циля, тиская человеческую женщину в своих крепких гномьих объятиях. — Кто теперь будет кушать мои пироги и говорить, что они не жирные, а

сытные? Этот старый сухарь Моня ведь только считает калории и мою прибыль!

Елена отстранилась и повернулась к ювелиру.

— Господин Моня — сказала Елена. — Если бы не вы в тот страшный вечер... Я не знаю, где бы я сейчас была. Вы вернули мне жизнь. И подарили счастье.

Моня снял очки и принялся яростно протирать их платком.

— Елена, душа моя, не делайте мне нервы на пороге вашей новой жизни. Что значит «если бы не я»? Я просто вовремя убрал с улицы одного поца и нанял прекрасного работника за умеренные деньги, между прочим! Так что это еще вопрос, кто кому сделал одолжение. Вы теперь замужняя дама, жена целого командира, так что держите спину ровно и пусть этот хмурый солдат носит вас на руках.

Владо, стоявший у дверей с чемоданами жены, только счастливо усмехнулся.

Когда за молодыми закрылась дверь, в лавке повисла тишина. Моня подошел к прилавку, провел пальцем по чистому стеклу витрины и выдал вздох такой глубины, что у Цили на кухне дрогнули тарелки.

— Ну вот, Циля, полюбуйся на эту картину маслом, — проговорил ювелир. — Мы снова остались у разбитого корыта, и это корыто даже некому продать. Сема женился — уехал. Елена вышла замуж — ушла. Моя лавка стала похо-

жа на пересылный пункт для одиноких сердец: все находят свое счастье и делают мне ручкой, а Моня Штейнбок опять должен стоять за прилавком и улыбаться покупателям!

Циля, мгновенно вернувшись в свой привычный боевой режим, уперла руки в бока и грозно посмотрела на дядю:

— Моня! Не делайте мне сиротские глаза, они вам не идут под этот дорогой жилет! Кто вам виноват, что вы держите свое обручальное кольцо в кармане дольше, чем Синдикат хранит свои тайны?! Запрягайте карету, берите хмурого Влада с его веселыми ребятами и дуйте в Подгорье за тетей Розой! Она бы сидела за этим прилавком на правах хозяйки, и вам не пришлось бы платить ей жалованье! Вы понимаете, какая это экономия для нашего бюджета?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.